
2.2. «Ноу-хау» В. Вильчека — прощание с К. Марксом и марксизмом

В. Вильчеку не откажешь в достаточно полном освещении коммунизма как общества находящегося по ту сторону материального производства. «Коммунизм, — пишет В. Вильчек, — понимаемый как состояние общества, деятельность которого сосредоточена вне сферы материального производства... логичен...»⁵⁶. Логичен, но не научен, утверждает В. Вильчек. Он утопичен и не имеет возможности позитивного воплощения. Это, как считает В. Вильчек, дает ему основание рас прощаться с К. Марксом и марксизмом.

Прощание с К. Марксом, а следовательно, и с марксизмом, В. Вильчек обосновывает отказом от открытого К. Марксом материалистического понимания истории, позволившего понять историю как естественно-исторический процесс, совершающийся с объективной необходимостью, закономерно. Методологической основой опровержения материалистического понимания истории служит для В. Вильчека им же выдвинутая гипотеза, что не труд является основанием научной теории происхождения и развития общества, а «...отчуждение, обусловившее переход от жизни по инстинкту к жизни по образу...»⁵⁷. Это необходимо авторданной гипотезы для того, чтобы доказать отсутствие причинно-следственной связи между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой, поскольку все отношения: трудовые, демографические, идеологические, политические — исходят из единого корня, в котором они существуют в зачаточном виде.

Оставим на совести В. Вильчека рассуждения по поводу «конструктивного регресса» в эволюции одной из биологических линий⁵⁸. Такая точка зрения, вероятно, имеет право на существование, если иметь в виду, что «...каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он зак-

репляет одностороннее развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях»⁵⁹. Так сказал Ф. Энгельс о взаимоотношениях категорий «прогресс» и «ретресс» в органической природе. «Прогресс» и «ретресс» — диалектическое единство противоположностей, где «...прогресс сам по себе и в себе есть в то же время и ретресс»⁶⁰.

После «обоснования» собственной гипотезы, В. Вильчек прощается с К. Марксом в вопросе материалистического понимания истории. Он «опровергает» постулат, высказанный Ф. Энгельсом на похоронах К. Маркса, «что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор»⁶¹. И просто диву даешься, когда, казалось бы, образованные люди ставят под сомнение, а то и отрицают достаточно очевидный для всех стран и народов (на современном этапе развития общества) факт необходимости производства материальных средств к жизни как первоочередных.

Зададимся вопросом: разве не общественное производство является всеобщим условием существования человеческого общества? К. Маркс ответил на него утвердительно, показав, что условием существования любого общества является необходимость объединения людей. С какой целью? С целью производства средств к жизни. Каким образом? Путем использования средств производства — орудий труда, при этом совершенствуя свои навыки по их применению. Придя к этому выводу, К. Маркс сформулировал основные понятия, с помощью которых можно определить способ производства. Такими понятиями являются «производительные силы» и «производственные отношения». Под производительными силами подразумевается все то, что определяет уровень эффективности производства. Это работник (рабочая сила) как субъект труда с его трудовым опытом, образованием и квалификацией; средства труда и предмет труда, в совокупности составляющие средства производства. К производительным силам также относят науку, научные знания, разделение и кооперацию труда, организацию и управление производством.

Как уже отмечалось, в процессе материального производства люди вступают между собой в исторически сложившиеся общественные отношения, которые принято называть производственными отношениями. Они включают в себя отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Основным, определяющим элементом в системе производственных отношений выступает собственность на средства производства, обуславливающая экономическую структуру общества и деление его на классы. Единство производительных сил и производственных отношений составляет способ производства в широком смысле слова, то есть общественный способ производства. История человечества показывает нам последовательность развития и смену качественно различных типов общественного способа производства. Ей известны первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический (прогнозируемый) способ производства.

К. Марксу принадлежит и открытие закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Соответствие

необходимо постольку, поскольку оно стимулирует производственный процесс. Однако сегодня эти общеизвестные истины подвергаются ревизии. В. Вильчек ставит под сомнение диалектическую взаимообусловленность производительных сил и производственных отношений, а следовательно, и сам закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Это необходимо ему для того, чтобы «доказать», что если К. Маркс и предпринял попытку разработать теорию исторического развития, она оказалась ошибочной. Ошибочной, считает В. Вильчек, была исходная предпосылка, в соответствии с которой человека якобы создал труд. ««Трудовая» гипотеза, с которой неразрывно связан марксизм, — пишет В. Вильчек, — единственная не пустая гипотеза, однако же, ее доказательство наталкивается на ряд препятствий, на уке прошлого века попросту неизвестных»⁶².

Согласно же концепции «конструктивного регресса» В. Вильчека, «...человек мог произойти лишь от «больного животного», *homo faber* — от животного-паразита, свободное существование — от раба»⁶³. И все это, как видим, служит В. Вильчеку основанием для отказа от «трудовой гипотезы» и отрицания роли труда как материальной основы не только в происхождении, но и в развитии общества. В. Вильчек признает логику в рассуждениях К. Маркса. «Если считать, — пишет В. Вильчек, — труд началом начал и причиной причин, но совсем не логично, если за начало принимать отчуждение и, следовательно, полагать трудом лишь деятельность по искусенному, социальному образу: опредмечивание знаний с помощью той или иной энергии и орудий»⁶⁴. Иными словами, В. Вильчек утверждает, что не единство производительных сил и производственных отношений лежит в основе того или иного способа производства, а только тот или иной тип производительных сил, тип исторических технологий.

К тому же В. Вильчек искусно пользуется высказыванием К. Маркса о том, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда». На этом В. Вильчек обрывается цитату, поскольку она не вписывается в его концепцию. А у К. Маркса далее следует продолжение: «Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»⁶⁵. Однако это не на руку В. Вильчеку, ведь ему необходимо доказать, что в истории было три способа производства: рабский, а не рабовладельческий, феодальный, индустриальный (или капиталистический). И тут, как говорят, все становится доказуемым, при этом, правда, желаемое выдается за действительное, реальное — уже на стадии индустриального, а тем более постиндустриального общества.

Выводы, сделанные В. Вильчеком, не нуждаются в комментариях.

Итак, вывод первый: индустриальное (капиталистическое) общество уже достигло стадии, когда «наука стала прямой производительной силой»⁶⁶.

Вывод второй: символом данного способа производства является не товар, а машина.

Вывод третий: «сущностная особенность капиталистического производства не в том, что оно ведется не ради прибыли, а в том, что оно — машинное производство, т.е. производство научное и массовое, рассчитанное на массового анонимного потребителя». И далее идет заключение: «Органической формой жизни индустриального производства является только капитализм...»⁶⁷

Вывод четвертый: наниматель (так В. Вильчек именует капиталиста) «...не выкачивает прибыль из труда нанятого работника, напротив, делится с ним, черпая прибыль из какого-то другого источника — вовсе не из того, тайну которого якобы разгадал в «Капитале» Маркс, превратив тем самым социализм, по мнению Ленина, из утопического в научный»⁶⁸.

В связи с этим позволим себе сделать несколько замечаний. Как и прежде, сущностью капиталистического способа производства является получение прибавочной стоимости, а это достигается как за счет эксплуатации рабочей силы капиталом, так и путем технического и технологического перевооружения производства. В результате происходит обострение противоречия между трудом и капиталом, а также ускорение научно-технического прогресса. Внедрение новой техники и технологии, с одной стороны, увеличивает резервную армию наемной рабочей силы, а с другой — стимулирует необходимость повышения работником своей квалификации, овладение научным знанием. В. Вильчек видит в капиталистическом (индустриальном) способе производства лишь его «положительную сторону», не желая рассмотреть негативную, а именно — классовое расслоение общества.

Отсюда вывод пятый: «картина общества становится очень сложной, диффузной, характеризующейся размытостью границ между классами, что и делает категорию (класс) скорее теоретически, нежели эмпирически значимой»⁶⁹. Нет возражения в том, что в производстве не последнюю роль играют те, кто выполняет функции управления, — это капиталисты, менеджеры, организаторы, контролеры и даже политики. Однако водораздел между трудом и капиталом, что является характерной чертой капиталистического (индустриального) способа производства, остается.

Поэтому самое разумное и прогрессивное, что мог бы сделать капитализм на современной стадии развития (стадии завершения формирования человеческого общества), так это уйти с исторической арены, уйти добровольно, поскольку это историческая необходимость, или, если хотите, непременное условие его дальнейшего развития. Однако находятся ученые-обществоведы, усматривающие в капитализме не загнивание, а расцвет, и это применительно к современному этапу развития общества. Согласно В. Вильчеку, социализм — не низшая стадия коммунизма, а высшая... капитализма! Он даже отождествляет госкапитализм с реальным социализмом в развитых странах мира. «Социализм, — пишет он, — отличается от двух низших фаз капиталистического развития не уничтожением частной собственности и частного производства, а надстройкой экономических и политических регуляторов более высокого ранга, заставляющих производство служить общегосударственным целям, осуществлению демократически выработанных социальных программ»⁷⁰. Это поистине «ноу-хау»

В. Вильчека! А мы то, наивные, полагали, что понятие «социализм» применимо к периоду борьбы прогрессивных сил за утверждение нового общественного строя, переходному периоду от капитализма к социализму, его построению, и что социализм является низшей фазой коммунизма. А он, оказывается, имел место и в рабском, и в феодальном обществах! На вопрос: «Всякий ли социализм является государственным капитализмом? — В. Вильчек отвечает: «Не всякий. Только социализм индустриального общества. В рабском и феодальном обществах и социализмы иные...»⁷¹ Это ли не псевдосоциализм В. Вильчека, а точнее, откро-

венный антикоммунизм по отношению к К. Марксу!

Однако будем последовательны в изложении взглядов В. Вильчека. В разделе «Социализм как высшая стадия капитализма», он, дабы не выглядеть откровенным антикоммунистом, делает реверанс в сторону коммунизма.

«Коммунизм, — пишет В. Вильчек, — другая, не наша историческая гряда. Возможно, там будут жить потомки — объективно выше нас и — дай-то Бог»⁷². Перед этим он, характеризуя постиндустриальный способ производства, фактически пересказывает: все то, что было написано по этому вопросу основоположниками марксизма. И пишет в их адрес, что его «...всякий раз заново изумляет, что первыми, кто сумел прозреть коммунизм в его логически ясном и, следовательно, реальном образе, были Маркс и Энгельс»⁷³. И после этого В. Вильчек, «прощаясь с Марксом», пересматривает основные положения марксистского учения, те положения, которые не утратили своей истинности и на современном этапе развития человеческого общества. Это относится, как мы видели, к двум величайшим открытиям, сделанным К. Марксом: материалистическому пониманию истории и закону прибавочной стоимости. Что это, как не откровенный ревизионизм и антикоммунизм в угоду так называемому «социализму как высшей стадии капитализма»?

2.3. Постиндустриальный социализм — утопия нового времени.

Институтом философии Российской академии наук в 1999 году (М.: Эдиториал УРСС) издана монография «Социализм в перспективе постиндустриализма». Монография состоит из предисловия, введения, трех глав и заключения.

Анализируя содержание монографии, неумолимо приходишь к выводу, что в ней, с позиций псевдосоциализма, осуществляется фальсификация марксизма. В этом легко убедиться, ознакомившись с предисловием и главой 1 монографии.

Предисловие И. Пантин начинает словами, что «для мыслящего социалиста (вероятно, имея в виду себя и авторов монографии. — Е. Г.) способность теоретически освоить веления времени, умение при их постижении принять непривычную, нетрадиционную точку зрения»⁷⁴ составляет характерную черту творчески мыслящего ученого.

В чем же состоит нетрадиционная точка зрения И. Пантин на социализм?

Во-первых, в постановке вопроса: «...позволяет ли марксистская доктрина, которую многие еще разделяют в нашей стране, справиться теоретически с проблемой свободы».⁷⁵ Во-вторых, в предложенной им классификации форм социализма.

О какой свободе идет речь? Существует научное объяснение категории «свобода» с позиций материалистической диалектики. Понятия «свобода» и «коммунизм» однопорядковые. «Когда мы говорим о коммунизме, — пишет доктор философских наук В.А. Босенко, — то в этом понятии заключается более глубокое содержание, чем кажется на первый взгляд. — Это необходимое развитие действительности материи в форме свободы, а не просто определенная форма социальных отношений и т.п.»⁷⁶ Для И. Пантин свободы является определенной фор-

мой социальных отношений. По его мнению, «обретение свободы в России — это и преодоление духовной зависимости, и отказ от заданных стереотипов, и создание нового государства, исходящего от гражданского общества и учитывающего общественное мнение, и это, наконец, свободное развитие всех форм собственности»⁷⁷. Последнее особенно четко указывает если не на либеральное, то на неолиберальное понимание категории «свобода». И. Пантин и в мыслях не допускает диалектической взаимосвязи понятий «коммунизм» и «свобода». Автор солидарен с тем, что «...мы должны, — как пишет В.А. Босенко, — обратить внимание именно на неизбежную необходимость появления коммунизма и, таким образом, свободы в целом»⁷⁸. Это не прихоть классиков марксизма, а объективная необходимость, которая в ходе своего саморазвития неизбежно превратится в свободу.

Из вышеизложенного видно, что марксизм, и только он, указывает путь из «царства необходимости» в «царство свободы», поскольку свобода не просто осознанная необходимость, но и осознанная деятельность по коммунистическому преобразованию общества.

Фальсификации основ марксизма служит и предложенная И. Пантином классификация форм социализма. И. Пантин выделяет три формы (типа) социализма.

«Первый (в том числе и по времени появления) тип обоснования социализма — его можно назвать «этическим» или «просветительским» — базируется на представлении об идеале справедливости, которому противоречит наличный строй, но которому должно соответствовать будущее общество»⁷⁹.

«Второй тип обоснования социалистической идеи, — пишет И. Пантин, — я назвал бы онтологическим. Его марксистская ветвь, ставшая в конце XIX — начале XX века центральной, чаще всего называется «научным социализмом»⁸⁰.

Третий тип обоснования социалистической идеи он называет прагматическим. «Характерная черта «прагматиков» от социализма — осознание необходимости сообразовываться с накопленным опытом общественного развития...»⁸¹ Если второй тип соответствует индустриальной стадии развития общества, то третий — постиндустриальной.

Определяя второй тип социализма как «онтологический», И. Пантин исходит из того, что марксистская философия якобы делится на онтологию и гносеологию. Этой «неточностью», как уже отмечалось, широко пользуются идеологи антикоммунизма.

И. Пантин не исключение, напротив, когда он говорит об «онтологическом социализме», то таким образом фальсифицирует «научный коммунизм». По аналогии, если есть «онтологический социализм», то почему бы тогда не быть и «гносеологическому социализму»? Это так, к слову.

А теперь — по существу предложенной классификации типов социализма. Ученый, занимающийся исследованием развития социалистической идеи, безусловно имеет право разработать классификацию истории общественной мысли. Но главное — какую цель он преследует при этом. Например, Ф. Энгельсставил перед собой задачу показать превращение социализма из утопии в науку. Какую же цель преследовал И. Пантин? Он хочет доказать, что «марксизм уже в прошлом», «Марков социализм имеет исторические границы». «Это учение, — пишет И. Пантин, — сыгравшее большую роль в становлении самостоятельного движения рабочего класса в XIX веке, в качестве социализма оказалось истори-

чески ограниченным, во многом утопическим и по существу превзойденным, в результате как изменившихся условий развития буржуазного общества, так и более ясного понимания задач освободительной борьбы пролетариата»⁸². Эти изменения, считает И. Пантин, сначала уловили ревизионисты типа Э. Бернштейна, а в настоящее время, по терминологии И. Пантинова, — «прагматические социалисты». И заключает: «...марксистские каноны критики капитализма соответствуют скорее прошлому, чем настоящему, а тем более будущему»⁸³.

Как видим, классификация, предложенная И. Пантином, служит обоснованию того, что марксизм устарел, а «...марксистская теория, считавшаяся долгое время непременной основой истолкования явлений общественной жизни, оказывается слишком узкой, бедной для того, чтобы понять своеобразие исторического движения в современном мире»⁸⁴.

Очевидно то, что доктор философских наук И. Пантин — ярко выраженный «псевдосоциалист». Однако его идеи, изложенные в предисловии, фактически являются методологической основой написания всех последующих разделов монографии кандидатами философских наук, научными сотрудниками Института философии РАН.

Определенный интерес в этом плане представляет глава 1 «Марксизм и социализм индустриального общества». Фальсификация учения К. Маркса о социализме (коммунизме) ее автором А. Баллаевым осуществляется путем заострения внимания лишь на антропологической и философско-исторической проблематике. В то время как марксизм — это наука, исследующая всю совокупность как философских и экономических, так и социально-политических закономерностей преобразования экономической (капиталистической) общественной формации в постэкономическую (коммунистическую) общественную формацию. В марксизме сущность человека рассматривается как совокупность всех общественных отношений, как объект и субъект этих отношений.

А. Баллаев, на основе им же сфальсифицированной философской антропологии К. Маркса, «обосновывает» и «антропологический социализм» К. Маркса.

В чем же сущность так называемого «антропологического социализма»? Ответ на этот вопрос, считает А. Баллаев, дан К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», а также в «Немецкой идеологии», «Капитале» и некоторых других работах, где К. Маркс обращается к проблеме человека, особенно в связи с отчуждением труда. Обратимся и мы к «Экономическо-философским рукописям 1844 года». Соответствуют ли они обоснованию так называемого «антропологического социализма»? А. Баллаев утверждает, что «...развитие Марксом философской антропологии, созданной Л. Фейербахом, прямо и непосредственно привело его к созданию версии «антропологического социализма» — немудрено, что этот социализм оказался философским пророчеством, весьма далеким от какого-либо конкретного практиса, хоть политического, хоть социального, в XIX и во многом даже в XX веке»⁸⁵.

В основе философской антропологии К. Маркса, считает А. Баллаев, лежит труд и его отчуждение, присущее индустриальной эпохе, но не постиндустриальному обществу. Он констатирует, что в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс «...с огромным сочувствием рисует страшную картину «отчужденного труда», в котором полностью извращается и теряется сама человеческая сущность трудящегося, которому не принадлежит ни его собственная

активность, ни ее результаты, ни человеческие формы общения с природой и другими людьми»⁸⁶. А. Баллаев признает, что К. Маркс делит развитие человеческого общества на три ступени, причем на «...второй ступени начинают складываться условия для перехода к третьей, которой открывается подлинная история человечества...»⁸⁷, но не коммунистическая, с точки зрения А. Баллаева, а социалистическая стадия развития общества.

Поводом, но не основанием, для А. Баллаева служат рассуждения К. Маркса о социализме и коммунизме в заключительном абзаце рукописи [коммунизм]. «Социализм есть положительное, уже не опосредствованное отрицанием религии самосознание человека, подобно тому как действительная жизнь есть положительная действительность человека, уже не опосредствованная отрицанием частной собственности, коммунизмом»⁸⁸. Здесь социализм представлен К. Марксом как эпоха «положительного гуманизма», по терминологии А. Баллаева, — «антропологического социализма».

Итак, три стадии, или три эпохи. Первая — эпоха отчуждения, или предыстория человеческого общества. Вторая, с нашей точки зрения, — эпоха снятия отчуждения, то есть поэтапного упразднения частной собственности. Третья — эпоха «подлинной свободы», или эпоха «положительного гуманизма». В данной классификации К. Маркса коммунизм — это вторая эпоха. «Коммунизм, — пишет К. Маркс, — как положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человечному»⁸⁹. В разделе «Критика гегелевской диалектики и философии вообще» К. Маркс конкретизирует, что «...коммунизм, в качестве снятия частной собственности, означает требование действительно человеческой жизни, как неотъемлемой собственности человека, означает становление практического гуманизма»⁹⁰, то есть достигает своей высшей стадии развития.

Но если вторая эпоха — это эпоха снятия отчуждения в результате «положительного упразднения частной собственности» (причем как осознанная необходимость), то, как мы уже писали, наступила ли вторая эпоха — эпоха коммунизма? Как тенденция — да, как осознанная необходимость — нет. Частная собственность есть результат вполне определенных исторических условий развития общества. Она выступает как сложившаяся в итоге этого развития совокупность отчужденных общественных производительных сил, принявших форму господствующих над индивидами производственных отношений. Следовательно, ее упразднение произойдет только после последовательного снятия отчуждения.

Когда это становится возможным? Отвечая на этот вопрос, К. Маркс писал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»⁹¹. Отсюда понятно, что целью коммунистического преобразования общества для К. Маркса было освобождение человека от всех конкретных форм угнетения отчужденных производственных отношений, возвращение человеку отчужденной человеческой сущности. Как видим, реализация данного прогноза

К. Маркса не позади, а впереди, что и подтверждает современный этап развития человеческого общества — этап перехода от индустриальной стадии развития к постиндустриальной, где главной производительной силой будет наука, научное знание, и, соответственно, как осознанный процесс перехода от экономической общественной формации (основанной на частной собственности и отчужденном труде) к постэкономической, в которой свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. К этому человечество шло и будет идти естественно-историческим путем.

В новых исторических условиях многие теоретические положения, высказанные К. Марксом и Ф. Энгельсом, либо не получили подтверждения, либо оправдались не полностью. И в этом нет ничего предосудительного. «Исторический контекст практической проверки истинности или ложности (ограниченности) марксизма оказался намного «шире» во времени, чем это изначально предполагалось»⁹². Например, вывод о том, что капитализм исчерпал свои возможности и пробил час капиталистической частной собственности, когда экспроприаторов экспроприируют, еще ждет своего часа. Все дело в том, что К. Маркс и Ф. Энгельс полагали возможным реализацию коммунистической теории (где социализм является его низшей фазой) в условиях промышленной цивилизации на базе машинной технологии. Однако, как показала практика современного развития общества, при машинной технологии едва ли можно добиться необходимых материальных благ, создать условия для всестороннего развития личности и т.д. Причем не в региональном, а планетарном масштабе.

Все это, как видим, не дает основания делать вывод о том, что «общество за пределами труда, обмена и государства» — утопия Маркса⁹³. А. Баллаев сам себе противоречит, когда говорит о приближении того времени, «...когда отчужденный труд уйдет в прошлое, совокупное рабочее время общества сократится, а так называемое «свободное время» людей постепенно приобретет не нынешние плебейско-варварские формы, а хотя бы в какой-то степени творческие и гуманные»⁹⁴. Но это не коммунизм, а, в соответствии с точкой зрения А. Баллаева, некоторые Марковы «пророчества», вытекающие из «антропологического социализма».

Однако вернемся к рассмотрению «Экономико-философских рукописей 1844 года». В них, по утверждению А. Баллаева, К. Маркс якобы подвергает критике саму идею коммунизма. Явная фальсификация взглядов К. Маркса! Ведь К. Маркс рассматривает коммунизм как движение истории: «...с одной стороны, действительный акт порождения этого коммунизма — роды его эмпирического бытия, — а с другой стороны, оно является для мыслящего сознания постигаемым и познаваемым движением его становления»⁹⁵. Первоначальную стадию («роды его эмпирического бытия») К. Маркс называет «грубым коммунизмом». Последний отличается от подлинного коммунизма тем, что, как предполагал К. Маркс, еще сохраняется частная собственность со всеми вытекающими последствиями, присущими ей в мире капитала. «Грубый коммунизм» вырастает из недр капитализма и, по мнению К. Маркса, еще сохраняет «родимые пятна» старого общества, вплоть до требования «общности жен», так как «буржуазный брак, — пишут К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», — является в действительности общностью жен»⁹⁶. А. Баллаев же преподносит нам это так, как будто бы К. Маркс в «Экономико-философских рукописях 1844

года» критикует коммунизм за тезис об «общности жен»⁹⁷. Он умышленно умалчивает о том, что по данному вопросу говорится в «Манифесте Коммунистической партии». Излюбленный прием фальсификаторов марксизма!

Напомним, что в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс отвергают обвинение в их адрес со стороны буржуазии в том, что коммунисты хотят ввести общность жен. «Коммунистам нет надобности вводить общность жен, — пишут К. Маркс и Ф. Энгельс, — она существовала почти всегда» и только «...с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т.е. официальная и неофициальная проституция»⁹⁸. Вот что имеется в виду под «общностью жен» в условиях частной собственности.

Проституция — как в XIX, так и в XXI веке — для многих женщин была и остается «второй», а для некоторых — «первой» профессией. Пример тому — «расцвет» проституции в постсоциалистических странах. И в этом вопросе, ещё раз подчеркнем, явная фальсификация взглядов К. Маркса псевдосоциалистом А. Баллаевым.

Не будем строги к К. Марксу, когда речь идет о терминах, которые он употребляет в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Дело в том, что термин «социализм» (лат. *socialis* — «общественный, товарищеский») соответствовал взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса, так как указывал на положительное упразднение частной собственности. Однако этим термином широко пользовались и представители так называемого реакционного социализма (феодального, мелкобуржуазного, буржуазного, «истинные» социалисты). Поэтому они в тот период употребляли термин не «социализм», а «коммунизм». «Коммунизм» (лат. *communis* — «всеобщий») — не просто общественный (общий), а всеобщий — всеобщеобщественный, наиболее полно выражавший сущность будущего, то есть коммунистического общества. В дальнейшем, как мы знаем, социализм рассматривается К. Марксом и Ф. Энгельсом как низшая фаза коммунизма. И это вполне логично. Не логично лишь утверждение А. Баллаева относительно того, что К. Маркс в 1844 году был якобы социалистом, а вот в 1845 году он вместе с Ф. Энгельсом (в опубликованной совместной работе «Святое семейство») публично объявили себя коммунистами. Но, простите: «Святое семейство» издано в 1845 году, а написано ими в сентябре — ноябре 1844 года. Выходит, Карл Маркс покрывает с социализмом и переходит к коммунизму не в 1845 году, а в 1844 году. А. Баллаев явно преследует цель представить коммунизм в негативном виде, а социализм — в позитивном, особенно в его постиндустриальном варианте.

Напомним, что термины «социализм» и «коммунизм» К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали как однопорядковые, отражающие сущность рабочего движения середины XIX века, но не тождественные (по их мнению, коммунизм является высшей стадией развития человеческого общества). Понятие «социализм» — как в то время, так и сегодня — применимо и к периоду борьбы прогрессивных сил за утверждение нового общественного строя, и к условиям переходного периода от капитализма к социализму и построения социализма, и к характеристике социализма как низшей фазы коммунизма. В идеале, как это следует из учения классиков марксизма, социалистический способ производства предполагает создание условий преодоления товарно-денежных отношений, торжество непосредственно общественной формы труда, становление социальной однородности общества, отмирание государства и введение самоуправления, формирование ново-

го человека, его всестороннее и гармоническое развитие в результате положительного упразднения частной собственности и утверждения общественной. Только в этом случае можно говорить о социализме как о низшей фазе коммунизма и о переходе от экономической общественной формации к постэкономической (то есть коммунистической) в масштабе всей человеческой цивилизации.

Если «научный социализм» (онтологический) — в прошлом, а коммунистические идеи — утопические, то и материалистическое понимание истории осталось позади.

А. Баллаев ставит под сомнение тезис К. Маркса «...о прогрессе материального производства как основной причине и «движущей силе» общечеловеческого исторического развития»⁹⁹.

Соответственно, он выступает с претензией к К. Марксу, в частности в отношении якобы «...чрезмерного превозыщания или переоценки человеческой активности»... упования «на всесилие научного и промышленно-технического праксиса»¹⁰⁰. И, что самое главное, утверждает, что «Маркс видит развитие производства как борьбу «добра» (труда, «прогресса производительных сил») и «зла» («форм общения», «производственных отношений», «отношений собственности»)»¹⁰¹. Ну, совсем как по Прудону! Правда, в отличие от последнего, констатирует А. Баллаев, «Маркс обозначает этот конфликт «добра» и «зла», сил труда и сил эксплуатации труда как классовую борьбу — борьбу пролетариата и капиталистов в современном промышленном производстве и соответствующем политическом праксисе»¹⁰².

В заключение А. Баллаев делает определенный реверанс в адрес К. Маркса, исходя, естественно, не из «научного социализма», а из «антропологического социализма». Он отмечает, что «...некоторые элементы предвидимого Марксом будущего уже как бы негромко стучатся в дверь истории»,¹⁰³ но в целом К. Маркс — в прошлом, также как и индустриальная эпоха.

Постиндустриальная стадия развития общества характеризуется, как утверждают авторы монографии, тем, что, во-первых, «альтернативы капитализму нет». Поэтому ими провозглашается отказ от разрушения буржуазного государства и, соответственно, капиталистического хозяйства.

Во-вторых, что касается социализма, то, по их мнению, неизбежно исчезновение социализма авторитарного и приход социализма более либерального плана, ориентированного на дальнейшее существование с рыночным обществом и либерально-демократическим государством.

В-третьих, в отличие от индустриального, в постиндустриальном обществе социальный конфликт якобы имеет место не между трудом и капиталом, а между технократами и населением. Таким образом, снимается проблема классов и классовой борьбы.

В-четвертых, применительно к будущему обществу речь может идти не о социализме, а только о постсоциализме (и ни в коем случае — не о коммунизме).

Итак, псевдосоциалистические взгляды авторов монографии прослеживаются уже в том, что вместо «научного социализма» ими введены понятия «индустриальный социализм» и «постиндустриальный социализм». И сделано это с единственной целью: раз и навсегда рас прощаться с К. Марксом и марксизмом. Постиндустриальный социализм авторы рассматривают как реальность современной эпохи на правах особой формы общества. Это «ноу-хау» представляет нечто иное, как утопию нового времени.